

Никелевая руда добывалась на Перовском руднике в даче Ревдинского завода и перевозилась по рекам Чусовой и Каме в Ревдинский завод. Обработка руды производилась «мокрым путем»: из бедных руд с помощью многократных обжигов и плавок получали богатый, или сокращенный штейн или шпейзу (сплав металлов с мышьяком), который растворяли в соляной кислоте, поступающей с заводов П.К. Ушакова. Далее раствор обрабатывали сернистым водородом, отчего оседали нерастворимые в кислотах сернистые соединения меди, серебра, золота и других металлов. Остаток отфильтровывали, промывали водой, потом фильтрат нейтрализовали и сначала осаждали из него хлорной известью железо, далее тем же реактивом кобальт, и наконец, в новом фильтрате, окись никеля одной известью. Осадок окиси никеля отфильтровывался и подвергался восстановительной плавке на металлический никель.

Для этой цели на заводской территории был сооружен специальный химический завод, выплавка никеля на котором производилась под руководством инженеров-химиков Пургольда и В.И. Шуйского. Выплавка никеля началась в мае 1874 г., полученный никель отличался высокой себестоимостью. С 1 мая 1874 по 1 мая 1875 г. выплавлено 26 пуд. никеля и 106 пуд. никелевой закиси, в 1875 г. (вместе с Ревдинским заводом) — 135 никеля и 483 пуд. никелевой закиси. Весь никель был продан на европейском рынке. Выплавка никеля производилась недолго: в 1876 г. никелевый завод был закрыт и более не возобновлял своего действия. Причиной закрытия предприятия послужило получение на Ревдинском заводе более качественного никеля, имевшего к тому же более низкую себестоимость. Отрицательное влияние оказали отсутствие спроса на никель на внутреннем рынке, отказ правительства от выпуска никелевой монеты, боязнь конкуренции со стороны иностранных производителей никеля (Новой Каледонии). В 1876 г. из-за нерентабельности все Рождественские заводы были закрыты, в 1878 г. они были вновь взяты под опекунского управления, которое продолжало эксплуатировать Рождественский Средний завод, сдав его в аренду. На заводе в 1888 г. действовали 2 кричных горна, пудлинговая и сварочная печи, 5 вододействующих молотов, 3 прокатных стана. Энергетическое хозяйство состояло из 14 водяных колес общей мощностью в 140 л.с. На заводе трудилось 40 рабочих. В 1887 г. было произведено 4,7 пуд. сортового железа, 1888 г. — 2,3, в 1889 г. — 1 тыс. пуд. В 1890 г. и этот завод окончательно прекратил свою деятельность. Угасание и закрытие Рождественских заводов было закономерным финалом для феодальных предприятий, не сумевших приспособиться в пореформенный период к рыночным отношениям.

Примечания

1. Котляревский И.П. Описание частных горнозаводских округов, назначенных к продаже за казенные долги (Ревдинский округ) // Горный журнал. 1870. Т.2. Кн. 6.
2. Махшеев А.А. Военно-статистическое обозрение российской империи. Т.14. Ч.1. Пермская губ. СПб., 1852; 3. Памятная книжка для русских горных людей на 1863 г. СПб., 1863.
4. Сборники статистических сведений по горной части на 1864–1867 гг. СПб., 1864–1867.
5. Стебих М.М. О Петровском руднике в Ревдинской даче Г.М. Пермикина // Горный журнал. 1890. Т.2.

*В.А. Манин
(Сургут)*

РАЗВИТИЕ ГОРНОЗАВОДСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Реформирование отечественной экономики в конце XX в. повлекло за собой переход от простой структуры субъектов поземельных отношений, включающих в себя главным образом государственные предприятия, к сложной системе, состоящей из субъектов с различной формой собственности. В этих условиях опыт правового регулирования земельных отношений в промышленности, накопленный в отечественном праве, имеет немаловажное значение.

Вышесказанное особо актуально для горнозаводских земельных правоотношений, так как ни для одной отрасли промышленности земельные правоотношения, включающие в себя не только право на поверхность земли, но и на ее недра, не имели такого значения, как для горного дела. Однако опыт, накопленный на протяжении XVIII — начала XX вв. отечественной юридической наукой и правовой практикой, современный российский законодатель почти не использует, пытаясь ориентировать принимавшиеся нормативные акты на зарубежные образцы. Многие навязанные таким образом конструкции и институты не вписываются в общую правовую схему. Подобных примеров нерационального законодотворчества вполне достаточно. Поэтому использование национальных правовых традиций имеет принципиальное значение. Особенно важно изу-

чение генезиса отечественного горного законодательства, приходящегося на конец XVII — начало XVIII вв. важным этапом которого является вторая четверть XVIII в.

После смерти Петра I при его ближайших преемниках на Российском престоле в горнозаводское законодательство не вносилось ничего принципиально нового по сравнению с петровским законодательством. Указы Екатерины I и Петра II касались в основном конкретных случаев и базировались на нормах Берг-привилегии. Определенное исключение составляет лишь указ от 26 сентября 1727 г., который решал вопросы постройки предприятий в отдаленных местах Сибири. По нашему мнению, в данном законе содержится норма, которая несколько противоречила духу Берг-привилегии. Это положение о свободном договоре горнопромышленника с владельцем земли. При этом закон делал такое соглашение обязательным для горнозаводчика. Норма, как видим, ставила предпринимателей в зависимость от землевладельца и по духу закона более соответствовала практике предшествующего периода.

В начале правления Анны Иоанновны в законодательстве также доминируют нормы времени Петра I. Однако, применяемые в условиях нового времени, они вступают в противоречие со складывающейся ситуацией при их применении. Это хорошо просматривается в деятельности В.Н. Татищева. При назначении его на должность главного начальника всех горных заводов в Сибири и Перми ему была вручена подробная инструкция, содержащая программу реформирования горной отрасли. В отдельных ее положениях отчетливо видно, что она противоречила законодательству Петра I и более соответствовала реалиям XVII в. В частности, разрешая В.Н. Татищеву отбирать в случае государственной выгоды предприятия у частных владельцев или земли у собственников, власти противоречили обязательствам по охране частной горнозаводской собственности, провозглашенным государством ранее.

Важнейшим положением этого документа является задание по упорядочиванию горного законодательства. В осуществление этой инструкции были подготовлены проекты «Горного устава» и «Заводского устава», а также «Наказа шихтмейстеру». Подвергнув анализу эти документы, мы пришли к выводу, что они предназначались для составления единого горного законодательства России. В случае его принятия страна получила бы наиболее совершенное по тому времени законодательство, не только регламентировавшее горно-металлургическую отрасль и упорядочившее горное управление, но одновременно усиливавшее контроль государства над частной промышленностью. Тенденции на усиление государственного вмешательства в частную инициативу противоречили не только потребностям страны, но и желанию верхушки, возглавляемой Бироном, приватизировать в свою пользу часть государственной собственности.

Все три документа в разных аспектах трактуют вопросы промышленного строительства на Урале. В работе впервые проанализированы проекты строительства с точки зрения регулирования горно-земельных отношений. Исследование показало, что эти документы практически полностью закрывали те пробелы в праве, которые содержала Берг-привилегия, и частично учитывали предложения промышленников. В области горно-земельных отношений мы видим более значительный учет реальной практики горнозаводского строительства, чем во всех последующих законодательных актах, вплоть до Проекта Горного Положения 1806 г.

В уставах содержались значительные привилегии в обеспечении земель и в возможности поиска руд для предпринимателей за счет землевладельцев. Однако основной идеей этих документов была жесткая регламентация частной инициативы промышленников, стремление «фабриковать фабрикантов» в условиях господства феодально-крепостнических отношений и под эгидой государства. Эти документы никогда не были утверждены правительством. Во многом это произошло потому, что они противоречили общей линии государства на поощрение частной промышленности и встретили сильное противодействие со стороны не только предпринимателей, но и влиятельных придворных кругов. Отметим, что, несмотря на неприятие этих документов правительством, в основных своих положениях они действовали на Урале вплоть до конца XVIII в.

Вторым по значению после Берг-привилегии законодательным актом первой половины XVIII в. является Берг-регламент 1739 года. Детальный анализ положений Берг-привилегии, Берг-регламента и всего текущего горного законодательства, появившегося в промежутке между изданием этих двух программных нормативных актов, показывает, что эти документы являются законодательными актами одного порядка. Основные положения Берг-привилегии нашли свое дальнейшее развитие в Берг-регламенте, который, учитывая практику предшествующего перио-

да, несколько уточнил положения предыдущего законодательства, хотя и не решил всех вопросов, поставленных практикой.

Во многом издание Берг-регламента было обусловлено стремлением правительства передать казенные заводы в частные руки. Берг-регламент уточняет Берг-привилегию, передавая преимущество на разработку первооткрывателю, но увеличивая обязательную арендную плату и делая ее независимой от прибыли. Берг-регламент пытается ликвидировать еще один просчет Берг-привилегии, связанный с назначением слишком небольших земельных отводов. Берг-регламент указывает на возможность отвода большей площади, чем устанавливалось ранее, не определяя точно ее размер. Границы участка оставались на усмотрение горных властей. Постановления Берг-регламента сохранили в измененном, улучшенном виде основные нормы Берг-привилегии еще более чем на 40 лет, определив основные направления развития горного законодательства вплоть до екатерининского закона 1782 г., объявившего недра земли собственностью землевладельца и отказавшегося от горной регалии, являвшейся основой горно-земельного права предшествовавшего периода.

*С. А. Нефедов
(Екатеринбург)*

РЕФОРМЫ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ

В современной историографии распространено мнение, что регулярная русская армия была создана Петром I. Правда, иногда делаются оговорки о том, что программа военных реформ была готова и до Петра, что делались первые нерешительные шаги к ее исполнению¹. В этой статье мы постараемся показать, что историки недооценили государственных деятелей допетровской эпохи, что в действительности модернизация началась намного раньше и реформы середины XVII века не уступали по своему значению реформам Петра I.

Истоки реформ Алексея и Петра лежали в техническом и культурном превосходстве Запада, поэтому необходимо вкратце остановиться на том, в чем именно проявлялось это превосходство — на «военной революции» XVII в. Теория «военной революции» была создана тридцать лет назад известным английским историком Майклом Робертсом. Он считал, что перемены в социальной и политической жизни Европы были порождены тем революционным переворотом в военном деле, который вызвала деятельность шведского короля Густава Адольфа (1611–1632)².

«Военная революция» была связана с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Французская «3-фунтовая» (стрелявшая ядрами в 3 фунта) пушка весила 30 пудов и требовала запряжки из 4 лошадей — притом, что скорострельность и боевая эффективность этого орудия были очень низкими. Густав Адольф осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья на шведских заводах, и приступил к целенаправленным работам по созданию нового оружия. Эти работы продолжались более десяти лет; были выписаны лучшие оружейники Европы; король сам давал им технические задания и проводил испытания новых орудий на полигоне близ Стокгольма. В 1626 г. Мельхиор Вумбрант создал так называемую «кожаную пушку»: тонкий медный ствол обматывался канатами и закрывался кожаным чехлом; эти 3-фунтовые пушки весили 7 пудов — они были в четыре раза легче прежних орудий. Но «кожаные пушки» быстро перегревались и выходили из строя; шведские оружейники продолжали свои эксперименты, и в 1629 г. было создано всепобеждающее новое оружие — «полковая пушка», «regementsstycke»³.

В отличие от «кожаной пушки», regementsstycke представляла собой цельнолитое медное орудие. При том же 3-фунтовом калибре эта пушка имела вес в 7–8 пудов. «Полковую пушку» могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты, и, таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. Стенки ствола «полковой пушки» были настолько тонкими, что она не могла стрелять ядрами — секрет regementsstycke состоял в том, что это была первая пушка, предназначенная для стрельбы картечью. Картечь изредка использовалась и ранее, но ее применение затруднялось трудностями при заряджании. Шведские оружейники создали зарядный патрон, плотный матерчатый мешок, куда помещались картечь и порох. Благодаря применению патронов «полковая пушка» обладала не-